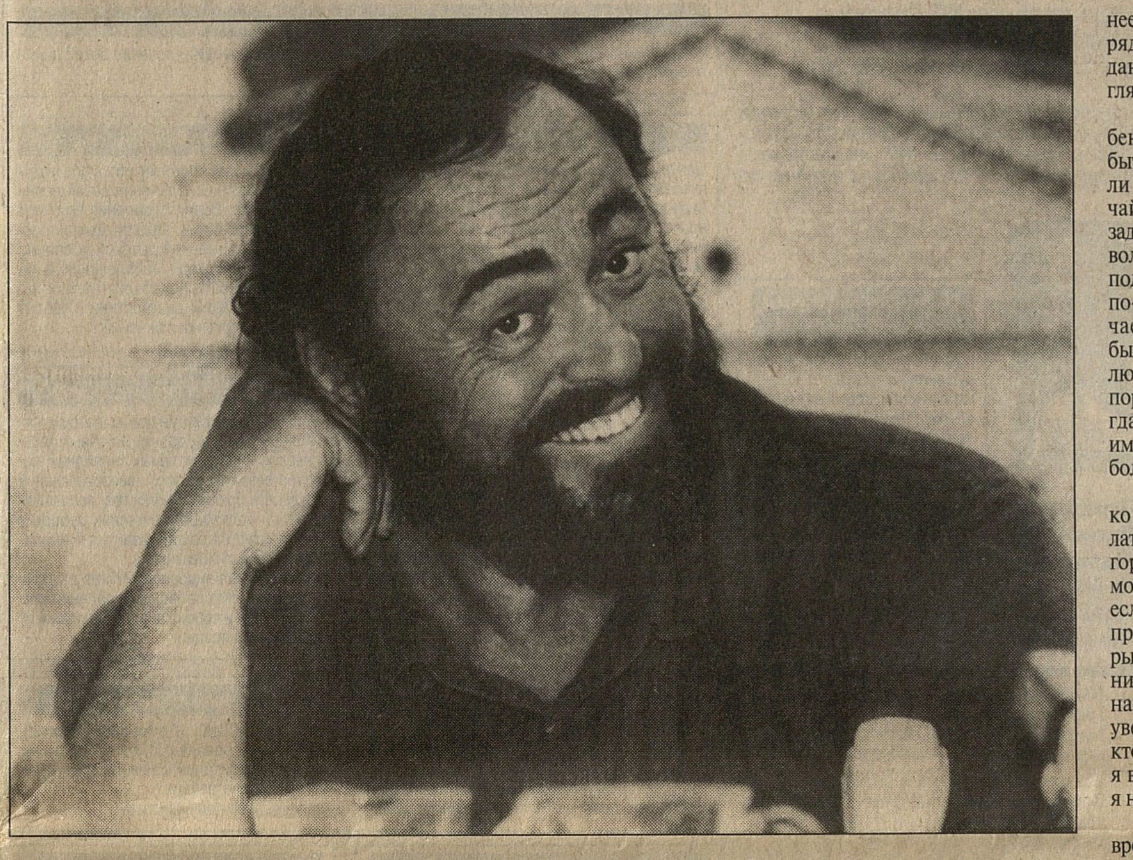
Лучано ПАВАРОТТИ

Париж и «Тоска» — два несчастья моей жизни

Ну не может человек жить без сказок про чужое трудолюбие. «Жизнь звезды — это тяжелая работа, это пот и кровь, это невидимые миру слезы. Это распорядок дня, составленный на два года вперед», — к этому сводятся откровения любой знаменитости, ставшие нынче столь популярными. Откровения, непременно подразумевающие почтительный выдох. Где уж нам уж — нам бы только посмотреть да послушать. Однако бывают счастливые моменты, когда знаменитость задвигает свою всемирную славу и нашу почтительность в угол — и начинает балагурить, подкалывать своих, нам вовсе не известных, а иногда и известных (смотрели, слушали, а как же) приятелей. Или начинает размышлять о жизни, да и ляпнет уж такую, казалось бы, чепуху — но невыразимо обаятельную и западающую в душу. Так из монументальной почтительности рождается любовь. Книга Лучано Паваротти и Уильяма Райта (второй, как можно предположить, обработчик авторского текста), фрагменты из которой мы публикуем сегодня, называется «Моя жизнь». Но это меньше всего рассказ о тернистом пути в большое искусство. Самое занятное в ней даже не истории и байки о жизни одного из авторов. Но сам образ рассказчика, который возникает перед нами с первой страницы, — обаятельный, подвижный, наивный, педантичный, открытый. И это итальянское чувство юмора, помноженное на американскую деловую хватку... И никакой почтительности к себе! Если не считать зацикленности на своем — пока еще не больном, но кто его знает, что может случиться! — горле. «Моя жизнь» выходит одновременно в издательствах «Вагриус» (перевод Натальи Вирязовой) и Crown Publisher (США).



Мы лежали кучей на сцене

Смысл счастья не всегда заключается в сумасшедших овациях и фантастическом успехе спектакля. Иногда можно быть счастливым просто оттого, что спел в опере без неприятных неожиданностей. Многое может мешать тому, чтобы петь как можно лучше.

Много разных происшествий случилось со мной в Париже. Этот город для меня — какое-то заколдованное место. Одна из неприятностей произошла в 1984 году, когда у меня только-только начала работать секретарем Джованна Кавальере. Перед моим отъездом из Нью-Йорка в октябре мы с ней договорились, чтобы в ноябре она вылетела в Париж, где я должен был петь в «Тоске». Мы остановились в «Клэридж Резиданс» на Елисейских полях.

Это был ее первый день настоящей работы как секретаря оперного певца. Для Джованны он стал полным кошмаром (и для меня тоже). Все началось с того, что я попросил ее выйти в город и купить еды. Я особенно люблю съесть немного курицы перед тем как петь и поэтому попросил ее найти готовую. В Париже на каждом шагу есть прекрасное кафе, но Джованна вернулась с цыпленком, таким сухим и жестким, что его было невозможно есть. Она также принесла цуккини — один из немногих овощей, которые я не переношу. И я заволновался: что же за секретаршу я нанял? (На деле же она оказалась замечательной.)

Но настоящая неприятность случилась в театре (и вины Джованны в этом не было). Так как я всегда люблю приезжать в театр заранее, то мы приехали в «Гранд-Опера» в 6 часов 15 минут — за час и сорок пять минут до начала спектакля. Это давало мне возможность спокойно наложить грим, немного распеться, затем отдохнуть в махровом халате — пока меня за четверть часа до выхода не пригласят на сцену. Чтобы не помять костюм, я надеваю его в самый последний момент. Когда, по моим подсчетам, пришло время одеваться, я попросил Джованну подождать за дверью и никого не впускать.

Вдруг слышу ее крик:

— Не входите! Мистер Паваротти раздет.

Дверь распахнулась, и ворвался режиссер. Джованна пыталась его остановить.

— Где же вы? Занавес поднят! Вы должны уже быть на сцене, а еще не одеты. — Потом добавил по-французски: — Nous commencons (Начинаем).

Я посмотрел на него и сказал на плохом французском:

— Nous nous arretons (Останавливаемся).

Это был не самый лучший момент в моей жизни. Сначала я запаниковал, а потом рассердился. Каждый вечер мы начинали репетировать в восемь вечера. В «Гранд-Опера» 1400 служащих, но ни один из них не предупредил нас, что спектакль начинается в 7.30, а не в 8. Я не мог в это поверить.

Конечно, я не успел вовремя выйти на сцену. Занавес опустили, а публике сообщили, что спектакль задерживается по техническим причинам. Все ждали, пока я надену костюм. Затем опера началась. Мне очень везло раньше — до этого выступления в «Тоске» в Париже. Исполнение в этот раз было хорошим, но все остальное не ладилось.

Во втором акте оперы моего героя Каварадосси после пыток приводят в кабинет Скарпиа. Он так измучен, что еле держится на ногах и падает на стул. Уже во время репетиций я смотрел на стул с опаской: он был из резного дерева и казался слишком хрупким для меня.

Я подошел к режиссеру и сказал ему тихо, чтобы никто не слышал:

— Думаю, что этот стул не очень прочный! Если я на него сяду, он не выдержит.

Мне ответили:

— Не волнуйтесь, Лучано. Мы уже укрепили его металлом.

Но я был неспокоен. Генеральную репетицию стул выдержал. Наступил день премьеры. Вот и тот самый эпизод оперы: стражники вытащили меня на сцену и посадили на стул. Тоску пела замечательное сопрано Хильдегарде Беренс. По роли она должна была подойти и обнять меня — как мы это делали не раз на репетиции. Но Хильдегарде — очень хорошая актриса и слишком увлеклась игрой. Почему-то она пробежала через всю сцену и бросилась на меня...

Этот стул ищут до сих пор... Даже укрепленный металлом, он весь развалился.

Мы лежали кучей на сцене. Публика оцепенела, никто не смеялся. Во-первых, они стула не видели, и, наверное, в зале считали наше совместное падение режиссерской задумкой. К тому же один из стражников спокойно стоял рядом — правда, остолбенев от удивления. Между тем Тоска и ее возлюбленный занялись борьбой на сцене «Гранд-Опера»: никто к нам не подошел, пока мы сами не поднялись и не продолжили петь...

Как я бисировал в «Метрополитэне»

Когда я работаю над спектаклем, то могу позволить себе шутки с коллегами на репетициях, но никогда не делаю этого во время исполнения оперы. Знаю, что раньше многие певцы это делали, об этом даже существует много историй. Например, Карузо. Известным шутником был. Он позволял себе всякие выходки: к примеру, мог нежно взять певицу за руку и в то же время положить туда горячую сосиску.

Я тоже не лишен чувства юмора, но против подобных проделок на сцене. И хотя всем известно мое мнение на этот счет, я не бываю застрахован от подобных ситуаций. Прошлой осенью один из моих коллег в «Метрополитэн-Опера» сыграл со мной шутку, которая несколько ошеломила меня. Моя реакция его не особенно волновала, потому что он мой босс в «Метрополитэн». Это художественный руководитель труппы Джимми Левайн. В тот вечер он дирижировал «Тоской», с которой мы часто выступали вместе. («Тоска» и Париж — два несчастья моей жизни!)

Я только закончил свою арию «E Lucivan e Stella» («Горели звезды») из последнего акта, в котором Каварадосси пишет перед расстрелом прощальное письмо своей возлюбленной Тоске. Музыка этой арии очень красива и трогательна. Спел я хорошо, и было много аплодисментов. Когда публика успокоилась, Джимми опять взмахнул палочкой. Первые ноты звучали привычно: коротко повторялась тема арии перед выходом Тоски. Но вдруг я понял, что это не продолжение: оркестр опять играл первые такты моей арии. На мгновение я растерялся, подумал: может быть, я вообще еще не пел своей арии? Когда вас застают врасплох, то первая мысль: ты сам где-то ошибся. Потом я увидел, что Джимми широко улыбается, и понял, в чем дело: он заставил меня бисировать арию. В других театрах порядки в таких случаях не столь строги: там певцам позволяют повторять, если публика настаивает. Но чтобы такое было в «Метрополитэн» — никогда! Нью-йоркская публика может рукоплескать хоть час и не добьется ничего. Вот почему я так растерялся. Но собрался и повторил арию. Зал взорвался. По моему виду можно было догадаться, что для меня эта ситуация была полной неожиданностью. Все знали, что в спектаклях «Метрополитэн-Опера» не поют на бис.

Потом за кулисами Джимми крепко обнял меня и сказал:

— Это шутка по случаю Хэллоуина, Лучано.

Было 31 октября.

Сюрприз был так необычен, что на следующий день «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, где цитировали Джимми: «Наступил Хэллоуин. Я должен был пошутить. Я сыграл шутку с Лучано, а публика получила, что хотела».

Хотя я сам пытаюсь играть, но иногда должен подсказывать другим, как лучше донести смысл сцены до слушателя. Например, мой герой в опере Верди «Ломбардцы» умирает и появляется в последнем акте в виде призрака. Чтобы показать публике, что я теперь всего лишь призрак, художник по костюмам одел меня в белое — как ангела. Он также пытался надеть на меня белые крылья с перышками. Я категорически отказался. На его вопрос: «Почему?» — я ответил: «Если я похож на ангела, то вы на Авраама Линкольна...»

Что касается моих телеконцертов, то мне нравится их записывать. Но при этом я чувствую себя не так уверенно, как при записи оперных спектаклей — здесь я в своей стихии. Но даже с опытными в этом деле людьми следует быть осторожным, чтобы не выглядеть смешным, когда их «заносит».

Например, однажды в Буэнос-Айресе один режиссер из Европы снимал телефильм с моим участием. Он прослышал о монахинях, известных в Аргентине своим пением, и повез меня в монастырь, чтобы я спел вместе с ними. Все шло превосходно, но он привез с собой какое-то устройство, чтобы мы с монахинями пели в тумане. Это выглядело странно и искусственно. Потом через эту завесу я протягивал розу одной из монахинь. Пытался ли я похитить ее из монастыря? Не уверен...

«Я никогда не встречал такой женщины...»

Хотя я и люблю совместный труд в опере, но особое волнение испытываю, когда выступаю в сольном концерте. Дело не просто в моем «я».

На концертной эстраде артист связан с аудиторией более непосредственно. Мне очень нравится чувствовать этот прямой контакт. Кое-кто из певческой элиты может смеяться надо мной, но этот контакт я ощущаю везде: и на стадионе, где присутствуют пятьдесят тысяч человек, и в небольшом зале, где всего сотня слушателей. То же самое я чувствую и выступая на телевидении, где число зрителей просто не поддается воображению.

С сольными концертами я побывал всюду: в России, в Южной Америке, Японии, Китае, Юго-Восточной Азии, Мексике... Немного найдется мест, где я не пел.

О некоторых из этих замечательных концертов стоит рассказать особо. Один из них состоялся в России в мае 1990 года. У Горбачева в это время были политические осложнения, и он не часто показывался на публике. Мне говорили, он боялся, что его встретят недружелюбно и газеты потом напишут об этом или (еще хуже) покажут это по телевидению. Когда я пел в Москве, то Горбачев пришел на концерт: он сидел в глубине ложи, чтобы его не видели. Меня это очень тронуло. Позднее, когда мы встретились лично, он произвел на меня большое впечатление.

Политика меня не очень интересует. Чтобы иметь твердые политические пристрастия, необходимо разбираться в ней лучше. Но я убежден, что надо отдать должное и Горбачеву, и Рональду Рейгану за прекращение «холодной войны». Для всех нас, так долго живших в темном страхе, конец вражды — это просто замечательно! Думаю, что это произошло не случайно. Конечно, в обеих странах есть могущественные силы, которые хотели бы сохранить напряженность в отношениях. Именно потому я испытал большое волнение при встрече с Горбачевым. Убежден, что значительным улучшением международных отношений мы обязаны именно ему.

Другой концерт, который навсегда останется в моей памяти, состоялся в 1991 году, когда я пел в лондонском Гайд-парке. Почти для всех (кроме нескольких первых рядов) этот концерт был бесплатным. Если люди хотели сидеть близко, они покупали билеты. Но все, кто хотел послушать этот концерт, могли прийти и без билетов. Я очень боялся (к несчастью, так и случилось), что в день концерта будет лить дождь. Ни отменить, ни перенести концерт мы не могли, так как его должны были транслировать по телевидению. Пришлось смириться. Сцена и оркестр помещались в «раковине», вся же публика расположилась под открытым небом. Говоря «вся публика», я не ошибаюсь. Я сам видел, что в первых рядах сидели принц Уэльский и принцесса Диана, премьер-министр Джон Мейджор с супругой, другие знатные гости. Чтобы быть точным — присутствовали все, кроме королевы.

Когда начался концерт, те, кто сидел впереди, раскрыли зонтики. Огромное поле зонтов. Но после первой моей арии по громкоговорителю всех попросили закрыть зонтики, так как из-за них никому ничего не было видно. После этого объявления раздался взрыв аплодисментов. Все, кроме сидящих в первом ряду, были довольны. Принцесса Диана сразу же сложила зонтик, и все сделали то же самое. Это невероятно, но со сцены я видел этих людей, которых заливали струи дождя. Мне было неловко, что я сухой, стою под крышей, смотрю вниз и в нескольких шагах от себя вижу принца Уэльского и принцессу Диану, премьер-министра Англии. И всех их поливает дождем.

Во время концерта я сделал жест в сторону этого ряда знакомых мне людей, чтобы показать, как я расстроен и как им сочувствую. Я воздел руки и попытался изобразить на лице, как мне грустно за них.

Кое-кому в публике повезло: на них были дождевики и шляпы с полями от дождя. Остальные же просто сидели и мокли. Я очень переживал, наверное, еще и потому, что сам всегда боюсь простуды. Похоже, все смирились с такой погодой. Все происходившее казалось мне чем-то нереальным. Более благодарных слушателей у меня никогда не было.

Еще раньше, когда я пел в «Ковент-Гарден», меня приглашали на обед в Букингемский дворец и на некоторые официальные приемы. Тогда я познакомился с принцем Чарльзом и принцессой Дианой. Они мне оба очень понравились. Принц увлекается оперой и проезжает большие расстояния, чтобы увидеть где-нибудь конкретную оперную постановку. Он в дружеских отношениях со многими оперными певцами. И принц Чарльз, и принцесса Диана — очень приятные люди, и я глубоко сожалею, что у них в жизни возникли проблемы.

Перед концертом в Гайд-парке я спросил принца Чарльза, позволит ли он мне посвятить его жене одну песню. Он дал согласие. Уже к концу концерта я остановил музыкантов, чтобы сделать объявление, и сказал, что с разрешения принца Чарльза хочу посвятить принцессе Диане арию де Грие из оперы Пуччини «Манон Леско» — «Una Donna Non Vidi Mai» («Я никогда не встречал такой женщины»). Когда публика услышала это, она стала буквально сходить с ума: в Англии очень любят принцессу Диану.

Когда концерт окончился, принц и принцесса пришли за кулисы поблагодарить меня. У нее, наверное, не было с собой шляпы с полями от дождя, потому что она вся промокла, влажные пряди белокурых волос облепили ее лицо. Но все равно Диана была прекрасна и продолжала выглядеть принцессой. Она казалась мне счастливой и взволнованной.

Принцесса Диана так хороша собой, так добра, так уравновешенна. Смотришь на нее и думаешь: «Этот человек родился для счастья». Но оказывается, что это не так. Думаю, в тот вечер я доставил ей радость. За сценой в палатке, служившей нам артистической, принцесса Диана сказала мне, что, когда я пел в ее честь арию, она пережила одно из самых счастливых мгновений в жизни.

Я дружески отношусь и к принцессе Диане, и к принцу Чарльзу, поэтому не хочу обсуждать их семейные проблемы. (Не делаю этого даже в частных разговорах.) Думаю, однако, что теперешняя жизнь ее печальна. Полагаю, что она одинока. Это не значит, что рядом никого нет. Конечно, в ее жизни много людей, но нет тех, в присутствии которых она могла бы позволить себе сбросить туфельки и расслабиться.

Грустно, когда такое случается с известными людьми. Много лет назад, когда моя жизнь усложнилась (я должен был петь в разных городах, ездить в турне, давать концерты, со мной повсюду обращались как со звездой), я увидел, что со мной может случиться нечто подобное. В силу обстоятельств приходилось встречаться только с теми людьми, с которыми работаешь и которые помогают, когда нужно куда-то ехать. Я постарался разорвать этот узкий круг, и мне это удалось. По крайней мере, близкие мне люди ничего не имеют против, если я скину туфли.

Когда в конце 80-х годов, при администрации Буша, я пел в Вашингтоне, президент пригласил меня и мою секретаршу Джуди Ковач на ленч в Белый Дом. Во время ленча я сидел рядом с миссис Буш, а Джуди — с другой стороны стола, рядом с президентом. Джуди очень образованная и интеллигентная девушка, она говорит на семи языках, и я мог за нее не беспокоиться. Меня заинтересовала одна деталь — перед каждым из нас стояла тарелочка с соленым арахисом. Я спросил миссис Буш, всегда ли они едят орехи. Она ответила, что президент очень их любит и орехи всегда у них на столе.

Ленч проходил хорошо и спокойно, как вдруг Джуди издала громкий звук, что-то вроде: «О-о-о!» Президент посмотрел на нее с беспокойством, словно ей стало плохо. Все замолчали, а миссис Буш спросила:

— Мисс Ковач, вы хорошо себя чувствуете?

Я успокоил ее:

— Ничего страшного. Джуди всегда так делает, когда ей нравится еда.

Возможно, именно из-за этого «О-о-о!» Джуди мы подружились с Бушами, и я стал бывать у них в их новом доме в Техасе.

Одним из тех, с кем я подружился, был известнейший рок-певец Стинг. Мы познакомились в 1993 году, когда выступали на благотворительном концерте, который он помог организовать для Амазон Рейн Форест. После того как я согласился участвовать в этом концерте, Стинг дал согласие выступить на концерте в Модене на моем конном шоу. Меня покорила его готовность спеть со мной что-либо из оперного репертуара. Конечно, он рисковал выставить себя на посмешище, но все же решился. Стинг очень славный и смелый человек. Конечно, он прекрасно спел Верди, но в своем стиле.

С тех пор я не раз навещал Стинга и его жену Труди в их прекрасном доме под Лондоном. Это большой старинный замок, где живет счастливая семья. Здесь же расположены и звукозаписывающие студии Стинга. Труди — тоже замечательный человек. У них трое детей: четырех, одиннадцати и тринадцати лет. Одиннадцатилетний сын — мой самый большой поклонник.

Стинг и Труди создали в своем замке удивительный мир. Он полон любви и музыки, и я завидую их стремлению так много времени проводить дома. Конечно, им приходится много путешествовать. Недавно, когда Стинг ездил петь в Южную Америку, Труди и трое их детей приезжали и гостили у меня в Нью-Йорке.

Три заповеди для поклонников

Иногда внимание почитателей принимает забавные формы. В Бразилии есть человек, который известен тем, что целует знаменитостей. Он подбегает к человеку и, пока тот не понял, что происходит, целует его. Говорят, он перецеловал много кинозвезд, известных спортсменов и даже Папу Римского. Его назвали il Bacciaciero или что-то в этом роде.

Во время концерта в Рио-де-Жанейро я шел из артистической на сцену, как вдруг непонятно откуда выскочил этот человек и попытался меня поцеловать. Охранники схватили его. Ситуация была не очень веселая, потому что они думали, что кто-то пытается меня убить. Даже когда охранники разобрались, что это всего лишь il Bacciaciero, их это не успокоило.

Еще одна забавная встреча произошла недавно в Нью-Йорке. Не знаю почему, но она доставила мне истинное удовольствие — может быть, потому, что была неожиданной и естественной. Мы с Джейн Немет выходили после прослушивания к нашему филадельфийскому конкурсу, которое проводилось на 57-й улице. Об этом сообщалось в газетах, и на улице нас уже ждали репортеры и paparazzi. Я старался быть с ними вежливым, но так как мы опаздывали на встречу, назначенную в другом конце города, то стали торопливо пробираться сквозь толпу, собравшуюся, чтобы увидеть меня.

Навстречу нам шла очень привлекательная молодая темнокожая женщина, стройная, высокая, броско одетая. Она выглядела элегантно и, должно быть, была актрисой или танцовщицей. И вот, взглянув на меня, она завизжала! Я не шучу, именно завизжала и, произнеся «Боже мой!», прислонилась к стене здания.

Сначала я решил, что с ней что-то случилось, и остановился. Сопровождавший ее мужчина тоже остановился. Одной рукой он зажал своей спутнице рот, а другой указал на меня и произнес очень громко: «О Боже, это он!» Потом посмотрел на нее, взглянул на меня. Все, кто был рядом, стояли, замерев от неожиданности. Я расхохотался, это выглядело так забавно.

Когда ты знаменит, нужно особенно следить за тем, чтобы всегда быть приветливым и терпимым. Если ты кого-то обижаешь (даже случайно), при твоей известности это задевает человека еще больше. Я доволен, что у меня хорошее чутье на подобные вещи и что я educato (что по-английски приблизительно означает: хорошо воспитан). Я всегда был способен понять чувства других людей, и, надеюсь, мой успех не испортил меня. Но есть ситуации, когда мне трудно быть вежливым. Я имею в виду темы, волнующие меня больше всего.

Первая — это мое здоровье. Если ко мне обращаются с просьбой сделать то, что может повредить моему горлу или приведет к болезни, то я могу высказать все, что думаю, даже если при этом и обижу кого-то. Например, это касается цветов, которые мне преподносят. Некоторые из них, особенно лилии, плохо влияют на мое горло. Не знаю почему, но, уверяю вас, это так. Поэтому, если кто-то просит меня принять цветы, я вынужден отвечать: «Извините, но я не могу это сделать».

Другая тема — музыка. Когда во время работы я слышу, что кто-то из коллег фальшивит, то сразу говорю ему об этом, даже если он может обидеться. Я высказываю только свое мнение, а не претендую на истину в последней инстанции.

Следующая тема — пища. У меня своеобразные пристрастия в еде, и в то же время я понимаю, что у людей разные вкусы. Но если предлагаемое блюдо попросту плохое, я не стану его есть. Если же меня спросят, то я отвечу, почему.

Подобное случилось со мной в Берлине незадолго до спектакля «Богема», в котором мы пели с победителями филадельфийского конкурса. Для нас устроили обед в итальянском ресторане. Должен сказать, что я скептически отношусь к итальянским ресторанам в некоторых странах, и, к сожалению, Германия входит в их число. У них ведь есть свои хорошие кулинарные традиции, да и кухня их сильно отличается от итальянской. Но, как бы там ни было, если обед назначен, я должен туда пойти.

В ресторане мы сидели все вместе за одним столом. Первым блюдом было подано ризотто. Попробовав, я повернулся к Каллен Эспериан (в спектакле она исполняла партию Мими) и прошептал:

— Не ешьте это — отравитесь.

Не знаю, что туда положили, но вкус был ужасный. Следующее блюдо оказалось ненамного лучше. Я ждал, когда выйдет шеф-повар, чтобы выслушать похвалу в свой адрес, и думал, что же ему сказать. Когда он подошел к нашему столу, то я старался быть как можно любезнее:

похвалил атмосферу ресторана, хороший сервис — все, кроме пищи. Но он увидел, что я не притронулся к его блюдам, поэтому приходилось шутить с ним, отвлекая внимание от своей полной тарелки.

Каллен потом рассказывала, что в разговоре с шеф-поваром я сказал что-то вроде того, что такой пищей нельзя кормить даже собак. Не думаю, что я мог сказать такое. Хотя все возможно.

Только я начинаю воспринимать себя всерьез, как какое-нибудь событие опускает меня на землю. Например, недавно в Нью-Йорке я набрал номер телефона моего друга, но услышал незнакомый женский голос. На мою просьбу позвать к телефону моего друга, она резко сказала:

— А кто это говорит?

И хотя я уже понял, что ошибся, назвал себя:

— Лучано Паваротти.

— В таком случае я — Мария Каллас, — ответила она и повесила трубку.

Рисунки Александра КОСТРИКОВА

Главный редактор номера Ольга ТИМОФЕЕВА
Ответственные секретари Юрий ПАТРИН, Евгений СЕМЕНОВ
Логотип: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Дизайн-макет: Аркадий ТРОЯНКЕР
Художественный редактор Владимир БАБИЧ
Технический редактор Дмитрий ТУМАНОВ
Зав. корректурой Светлана КАРТАШЕВА

ОБЩАЯ ГАЗЕТА
Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения Людмила ЛИР Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы Галина ИЛЬЧЕНКО Тел.: 915-70-40, 915-26-19. Факс: 915-26-06
Производственно-издательский отдел Ирина СОВКОВА Тел.: 915-75-81
Цена свободная

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 21. 2. 96 г. Заказ 10839. Тираж 100000 экз.